

Михаил Петрович Арцыбашев

Палата неизлечимых

Михаил Арцыбашев
Палата неизлечимых

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Палата неизлечимых / М. П. Арцыбашев — «Public Domain»,
1912

«Отворилась высокая белая дверь, и сиделка ввела нового больного. Запахивая полосатый халат, твердым, даже стремительным шагом больной вошел в палату и быстро огляделся, беспокойно поворачивая голову на длинной, голой в широком вырезе халата, точно железной шее. Эта длинная негнущаяся шея и чрезмерно блестящие, с выражением страшного напряжения глаза производили странное и даже жуткое впечатление...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Петрович Арцыбашев

Палата неизлечимых

I

Отворилась высокая белая дверь, и сиделка ввела нового больного.

Запахивая полосатый халат, твердым, даже стремительным шагом больной вошел в палату и быстро огляделся, беспокойно поворачивая голову на длинной, голой в широком вырезе халата, точно железной шее. Эта длинная негнущаяся шея и чрезмерно блестящие, с выражением страшного напряжения глаза производили странное и даже жуткое впечатление.

С усталым и равнодушным лицом сиделка подвела его к узкой, похожей на все остальные, кровати и сказала равнодушным голосом, в котором, казалось, не было звуков, как в голосе судьбы:

– Вот тут вы и будете жить пока.

Больной дико повел своими страшными глазами, стремительно шагнул и сел на кровать, продолжая оглядываться кругом с таким видом, как будто властно проверял, все ли сделано так, как ему хочется, чтобы сейчас же приказать убрать то, что ему не нужно.

Голые стены высоко обступили его со всех сторон, ограждая взгляд. Белый и обширный потолок висел над головой и, против воли рождал мысль: что там, за этой холодной, мертвой преградой, и похожей и не похожей на тусклое небо осеннего дня?

Сначала больному показалось, что в палате слишком много людей; но гартон он разобрал, что их только четверо-пять, считая с ним, – и что кругом достаточно места, чтобы поместить еще много таких же кроватей, таких же столиков с убогим имуществом умирающих, таких же черных дощечек с их короткими паспортами, таких же изуродованных страданием человеческих тел.

Ближе к окнам, лившим в пустынную холодную палату потоки белого света, лежали – мальчик с большими, точно вырезанными, наивными глазами и красивый, с лицом благородного римлянина, молодой человек, осматривавший нового больного немного любопытными, немного насмешливыми, добродушно-ироническими глазами. Рядом с ребенком на длинной узкой кровати сидел высокий худой старик с раздвоенной седой бородой, нависшими лохматыми бровями и огромными корявыми руками мужика. Он смотрел на нового больного острыми, сверлящими насквозь, как два бурава, глазками и держал свои громадные руки так, точно перед ним были плуг и необозримая, требующая работы земля.

Новый больной стремительно обежал их блестящим взглядом. Слишком пристально, точно, соображая – уничтожить или не уничтожить, осмотрел он ребенка, старика и ленивого красивого римлянина, потом напряженно уставился на четвертую кровать, на которой тупо и неподвижно возвышалась целая гора человеческого тела. Он смотрел долго, дико, как бы не совсем уясняя себе причину своего изумления, потом резко дернул железной шеей и отвернулся с гримасой судорожного отвращения.

Этот четвертый больной был самым несчастным из всех: огромное тусклое лицо его все было обезображено белыми рубцами и отвратительными язвами, кровотокающими, странно шевелящимися, точно в них уже при жизни поселились могильные черви. На жестком коричневом одеяле лежали его опухшие, с отвалившимися пальцами, никуда не годные руки, под одеялом горой возвышались похожие на бревна ноги, которым уже не суждено было ходить.

Все остальные еще казались живыми, обыкновенными людьми. И наивные вырезанные глаза мальчика, и красиво ленивый профиль благородного римлянина, и рабочие руки высокого старика не говорили о смерти. Даже трудно было представить себе, что они неизлечимо

больны страшной болезнью и рано или поздно осуждены на безобразную мучительную смерть. Четвертый в своем обезображенном лице, в тусклых, тоскливо глядящих глазах, в куче своего разлагающегося тела был уже – сама смерть... Труп, вытасненный из могилы и кому-то на потеху брошенный посреди живых людей.

Новый больной упрямо сидел на своей кровати в той же позе, в которой застыл сразу, как будто отказываясь от всякого движения, в ненависти осужденного, говорящего своим палачам: – Делайте, что делаете... я ничего не хочу!

Так сидел он очень долго. Сначала все больные были заинтересованы этим пришельцем из другого мира, неизвестно откуда, зачем и как пришедшего к ним. Потом привыкли, и каждый вернулся к своим заботам и мыслям.

День начинался. В огромные белые окна лился равнодушный холодный свет. Глухо и непроницаемо стояли кругом стены, ограждающие взгляд. Висел белый потолок, и в его тусклом белом сумраке мерещился какой-то загадочный треугольник, когда-то, должно быть, предназначавшийся для источника яркого живого света, а теперь облупившийся, покрытый пылью и ржавчиной, с покрякивающим железным крюком. За окнами были видны высокие, из глаз уходящие стены другого дома и его бесчисленные слепые окна, за которыми, может быть, также жили и страдали люди. Больные этой палаты лишь после смерти должны были выйти на свободу, и слепые окна того дома только будили их праздное любопытство, навсегда скрывая какую-то другую, возможно такую же ужасную, возможно – более счастливую и неизмеримо вышестоящую жизнь.

Иногда там, за темными стеклами, что-то мелькало: не то живые лица, не то какие-то мертвые знаки. Мелькали и исчезали. Вечером же окна горели во мраке, как далекое пылающее созвездие, и ходили среди них непонятные тени, пугая и тревожа больную фантазию.

Молчание мертвым холодом сковывало палату. Все о чем-то думали, и никто не знал, что думают другие, занятые своими мыслями и образами. Людей было несколько, а каждый казался совершенно одиноким.

Но надо было жить.

Первым встал со своей кровати мальчик. У него была огромная голова и очень тоненькая слабая шейка с болезненными синими жилками. Из широких рукавов полосатого халатца высовывались худенькие ручки с бледными неживыми пальцами. Он, покачиваясь, утвердился на тоненьких кривых ножках и побрел к окну. Там, уставясь большими тоскующими глазами в противоположный дом, он прислонился к твердому подоконнику и замер в созерцании, маленький и слабый, у огромного высокого окна.

Новый больной следил за ним блестящими стеклянными глазами.

Мальчик взглянул вверх, вытянул шейку и вдруг всплеснул руками.

– Солнышко, солнышко! – закричал он, и странно болезненно раздался в пустой холодной палате его надтреснутый детский голос, зазвеневший тоскливо мечтательным восторгом.

По серой нескончаемой стене противоположного дома ползла золотая слепящая полоса яркого света, и отблески ее отразились в наивных детских глазах, зажигая их золотыми искрами.

И точно этот голосок разбудил застывшую жизнь: задвигались и заговорили другие больные.

Высокий и худой, со сверлящими сумасшедшими глазами фанатика, встал и тоже подошел к окну длинный старик. Он, как на плуг, оперся своими огромными корявыми руками на подоконник и стал смотреть вверх, возносясь взглядом по высокой стене к тому далекому чудному небу, на котором горело где-то золотое яркое солнце и которого во всей его неисповедимой могучей красоте никогда не было видно в этой мертвой, холодной палате осужденных на верную безобразную смерть.

Старик положил на голову мальчика огромную шершавую ладонь и сказал:

– Обрадовался, птенчик Божий!.. Вот оно, солнышко... светит!.. Благодать!.. Любовное солнышко... Вот так-то, мальчуган: живешь, живешь в потемках, блуждаешь во мраке тоски смертной, а выглянуло небесное солнышко – и стало светло, хорошо... Умирать не надо!.. Вот, даст Бог, выйдешь на волю, всего тебя солнышком обогреет, всего вольным духом обоймет... Улетишь отсюда, как птичка на Благовещенье... сольешься со всем миром... Радость безмерная!

Он говорил тихим, глухим, глубоко внутрь провалившимся голосом, а сумасшедшие глаза из-под густых нависших бровей сияли любовным и почти исступленным восторгом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.